

КОНКУРЕНЦИЯ И КОНФЛИКТ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

RIVALRY AND CONFLICT AS THE REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITIVENESS

D. Semenov

Summary. The article is devoted to the socio-philosophical analysis of competition and conflict as an implementation of the competitiveness principle. According to the author, competition can be understood as rivalry according to the rules, the purpose of which is to increase the resource capabilities of the “winners” at the expense of the “losers”. The most important component of competition is the availability of a regulatory framework that regulates the behavior of competitors. The presence of this regulatory framework is the main difference between competition and another type of competitiveness — conflict.

Keywords: competition, conflict, competitiveness, violence, sociocultural evolution.

Семенов Дмитрий Владимирович

*К.ф.н., доцент, Нижегородский государственный
лингвистический университет
ds7771@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу конкуренции и конфликта как реализации принципа состязательности. По мнению автора, под конкуренцией можно понимать — состязание по правилам, целью которого является увеличение ресурсных возможностей «победителей» за счет «проигравших». Важнейшая составляющая конкуренции — это наличие нормативной базы, регулирующей поведение участников состязания. Именно наличие этой базы, является главным отличием конкуренции от другого вида состязательности — конфликта.

Ключевые слова: конкуренция, конфликт, состязательность, насилие, социокультурная эволюция.

Наиболее распространенной формой реализации принципа состязательности в человеческом обществе является конкуренция. Необходимость выявления философских оснований понятия «конкуренция» предполагает его отделение от социологических, психологических, политических и экономических коннотаций, которые затрудняют задачу поиска сущности этого явления.

В рамках сравнительной методологии социально-философского исследования под конкуренцией можно понимать — состязание по правилам, целью которого является увеличение ресурсных возможностей «победителей» за счет «проигравших». Основная задача любого типа конкуренции — увеличение дистанции между «победителем» и «побежденным», выводящее «победителя» на качественно новый уровень бытия.

Важнейшая составляющая конкуренции — это наличие нормативной базы, регулирующей поведение участников состязания. Именно наличие этой базы, является главным отличием конкуренции от другого вида состязательности — конфликта, т.е. от «... состояния противостояния, борьбы между отдельными индивидами и группами людей, пронизывающего все области общественных отношений и сферы человеческой деятельности» [1, с. 301]. Правила осуществления конкуренции имеют конвенциональную природу и основаны на добровольном соглашении участников процесса состязания.

При этом происходит кодификация равенства участников состязания, их ресурсных возможностей, а также закрепление прав на достигнутый результат и признание этого проигравшей стороной. Необходимо отметить, что нормативная база конкуренции вырабатывается в сугубо светской среде, тем не менее, она всегда нуждается в сакрализации, обретении высшего авторитета с помощью совершения определенных обрядов и ритуалов.

Правила конкуренции являются альтернативой состоянию «войны всех против всех». Их наличие в обществе является свидетельством ненасильственного характера разрешения социальных противоречий. Само появление кодифицированной нормы, регулирующей процесс состязательности, свидетельствует о сублимации насилия [2, с. 14–16], его переводе в социально-приемлемые рамки. Таким образом, состязательность есть производное состояние насилия, которое в свою очередь является социальной проекцией агрессивности свойственной всем живым существам [3, с. 19]. Под агрессивностью понимают стремление любой особи к экспансии, расширению своих ресурсных возможностей путем их присвоения из окружающей среды. Цель экспансии — удовлетворение базовых потребностей любого существа в выживании и продлении собственного бытия. Это является проявлением фундаментального единства общефилософских и социально-биологических оснований состязательности как базового принципа эволюции.

Каким образом диалектика тождественного и иного как общеприродный принцип, соотносится с объективным, естественно-природным и социальным содержанием состязательности и форм ее осуществления — конкуренции и конфликта? Эта связь может быть прослежена следующим образом: самоидентичность — есть остановка, отсутствие развития, прекращение экспансии. Применительно к индивиду, самоидентичность является синонимом смерти, энтропии и гибельности собственного бытия. Все живые существа, стремятся к выживанию и продлению собственного бытия. Продление собственного бытия происходит за счет расширения своих ресурсов, через их присвоение из внешней среды, проявлением этого процесса является агрессивность. Проекцией агрессивности в обществе выступает насилие, с помощью которого индивиды расширяют свое жизненное пространство и удовлетворяют свои потребности за счет присвоения ресурсов других.

Цель данного процесса заключается в выживании и продлении собственного бытия. Необходимость сублимации насилия также продиктована потребностью в самосохранении индивидов. В результате их антагонизм приобретает ненасильственные формы, происходит выработка и фиксация норм его осуществления, возникает состязательность, как принцип социокультурной эволюции. Состязательность, проявляющаяся через конкуренцию и конфликт, обеспечивает индивиду возможность расширения своих ресурсных возможностей. «Под состязательностью мы понимаем процесс выявления (присвоения) субъектом исключительных свойств и способностей, совокупность которых меняет формы и способы его бытия в социуме таким образом, что вновь обретенный статус признается остальными участниками процесса как общественно значимый и ценный; таким образом, итог любого состязательного процесса — изменение общественного статуса состязающегося» [4, с. 27].

Важно отметить, что состязательность не элиминирует насилие. В живой социальной практике они диалектически взаимодействуют и сосуществуют в разных пропорциях. Превращение насильственного антагонизма в состязание (конкуренцию) происходит тогда, когда само насилие приобретает символическую форму. Кодификация правил состязания (конкуренции) сопряжена с выработкой некоего ритуала, имеющего непреложный, сакральный характер.

Технология этого процесса описана, в частности, в книге современного французского философа, Р. Жирара «Насилие и священное» [5]. В основе этого процесса — компенсация (замещение) очевидных, реальных манифестаций насилия его символически-метафорическими игровыми аналогами. Состязание (конкуренция), таким образом, есть своего рода подражание открытой на-

сильственной схватке, имитация последней, вызванная к жизни вынужденной мерой. Темперирование и сублимация агрессии есть условие выживания человеческого сообщества и превращение его в социум. Проблема трансформации наиболее одиозных и первобытных форм насилия, политико-правовые, социально-приемлемые и культурные формы состязательности рассматриваются, в частности, в рамках так называемого социогенного подхода к истолкованию феномена насилия. «Жажда насилия, стоит ей проснуться, приводит к определенным физиологическим изменениям, готовящим человека к схватке. Эта расположенность к насилию длится известное время. Ее нельзя считать простым рефлексом, который прекращается, как только прекратится воздействие стимула» [5, с. 8].

Поскольку экспансия — расширение ресурсных возможностей с целью наилучшей адаптации к внешней среде ради обеспечения наилучших условий выживания — отличает живую материю от мертвой, проявлением этого стремления является установка на все возрастающее доминирование. Насилие в этом смысле можно считать тождественным самому человеческому бытию, в особенности на тех этапах его эволюции, когда мы не имеем еще сколь-нибудь развитых культурных форм регуляции человеческой агрессивности. Жирар делает вывод, что та форма человеческого бытия, которая традиционно ассоциируется с культурой, является прямым следствием трансформации насилия как естественного природного дикого состояния в докультурную эпоху.

Переход от дикого состояния — варварства — к развитым формам общественной жизни стал возможным в результате канализации насилия и его видоизменения в такие фиксированные и социально-приемлемые формы и проявления, которые обеспечили снижение коэффициента агрессивности каждого из участников социального процесса и, вместе с тем, стабилизировали сам социум как определенного рода систему. Преодоление одиозных форм агрессивности связано с табуированием последней. Для того чтобы это табуирование стало возможным, необходимо, чтобы дикое и неконтролируемое состояние антагонизма в наиболее очевидных его проявлениях оказалось замещено превращенной формой антагонистического столкновения участников первобытной общины, ненасильственной разновидностью антагонизма. Для этого необходимо, чтобы конфликт, в его наиболее кровавом выражении, превратился в конкуренцию. В результате реализации этого процесса первобытная стихия всеобщего уничтожения должна была смениться состязательностью как видоизмененной и ненасильственной формой взаимодействия субъектов социального процесса. Должно было произойти снижение напряженности, связанное с агрессивными импульсами

в развивавшемся социуме и, как следствие, снижение потенциала неприятия друг друга.

Важно иметь в виду то обстоятельство, что «война всех против всех», бесконтрольное проявление человеческой агрессивности на ранних фазах антропосоциогенеза могли быть и, по-видимому, были угрозой существованию самого человеческого рода. Поэтому канализация насилия, превращение его в систему политико-правовых регуляторов человеческого поведения может быть объяснено в контексте выживания человека как биологического вида, как естественное и необходимое усилие по наилучшей адаптации человека к внешней среде. Бесконтрольное, хаотическое насилие на ранних этапах эволюции человека и его постепенного превращения в социальное существо могло быть реальной угрозой существованию самой популяции. Стало быть, исходя из общебиологической закономерности адаптации как базового механизма всего живого, можно констатировать, что постепенная выработка приемлемых и несопряженных с откровенной агрессивностью форм антагонизма в рамках антропосоциогенеза было прямым ответом на вызов самой природы и тех потребностей, которые были сопряжены с необходимостью выживания в ней.

В этой связи возникает проблема необходимости объяснения того, почему насилие как форма человеческого бытия в докультурную эпоху обнаруживает тенденцию к бесконтрольному саморепродуцированию. Жирар дает на этот счет, с нашей точки зрения, вполне убедительный и исчерпывающий ответ. Он указывает на то, что фундаментальное свойство человека — это способность к подражанию (т.е. мимезису), наряду с другими двумя базовыми характеристиками человеческого бытия, а именно, склонности к социализации и мультипликации (репродукции).

Миметическая способность человека оказывается фундаментальным свойством для всей его культурной эволюции. Всеобщее подражание, в особенности в условиях, когда отсутствуют иные формы культурной манифестации индивида, оказывается той средой, в которой первобытное прото-сознание чувствует себя наиболее комфортно. В этом смысле миметическая способность первобытного человека содержит в себе как положительные, так и отрицательные следствия. К числу первых можно отнести способность к фиксации, усвоению и воспроизведению определенного рода навыков первобытной хозяйственной и прото-социальной деятельности, что, в конечном итоге, фиксируется в виде культурной традиции и усваивается следующими поколениями, постепенно превращаясь в более или менее устойчивую систему культурных стереотипов. Как справедливо замечает Р. Жирар: «Если бы наши желания не были ми-

метичными, они навсегда бы зафиксировались на predeterminedных объектах, они были бы особой формой инстинкта. Люди не в большей степени могли изменять свои желания, чем коровы на лугу. Без миметического желания не было бы ни свободы, ни человечности. Миметическое желание — благое по своей сути» [6, с. 22].

Говоря об отрицательных сторонах миметической способности человека, можно говорить о том, что агрессивность в своих кричащих, вопиющих и очевидных актах, связанных, прежде всего, с убийством соплеменника или представителя враждебного племени, оказывает столь яркое впечатление на зрителей и участников, что воспроизведение этого акта превращается в насущную необходимость, что, в конечном итоге, ведет к спиралевидному, экспонентному возрастанию насилия в первобытном племени.

Интенсивность этого процесса, бесконтрольный рост числа убийств и иных актов самодеструкции в контексте первобытного родового строя и оказывается той угрозой существованию самого биологического вида *Homo Sapiens*, преодоление которой должно было быть сопряжено с выработкой превращенных форм агрессивности, в конечном итоге, ведущих к возникновению феномена состязательности.

Состязательность как принцип социокультурной эволюции, лежащий в основании этого процесса, может быть понята как вынужденный и необходимый способ преодоления тех деструктивных потенциалов человеческой природы, которые, не будучи трансформированы в свои превращенные формы, способны были бы привести родовое сообщество к самоистреблению. Сама культура в более широком контексте, и состязательность как принцип социокультурной эволюции, могут быть поняты как результат стремления человека к самосохранению. Это своего рода следствие выработки тех механизмов адаптации к выживанию в природной среде, которые были условием сохранения самого биологического вида *Homo Sapiens*.

Возникает ненасильственный антагонизм — конкуренция, основанная на принципе состязательности как трансформированном, исходном, агрессивном импульсе, свойственном всей живой материи. Поскольку любая, в том числе и социальная система существует лишь до тех пор, пока находится в состоянии экспансии, целью которой является присвоение ресурсов, необходимых для ее сохранения и выживания, прекращение этого процесса ведет к возникновению статического состояния как следствия постепенной деградации структурно-образующих элементов социальной системы. В результате чего насилие, прежде пребывавшее в приемлемых формах конкурентно-состязательного взаимодействия участни-

ков социального процесса, вновь оказывается редуцированным к своим наиболее кровавым проявлениям, выходит на передний план социальной жизни и приобретает бесконтрольный характер, который сопоставим с тем, что наблюдался в докультурную эпоху.

Особый интерес вызывает отмеченная Жираром необходимость сакрализации политико-правовых, моральных и иных норм регуляции, обеспечивающих социуму как системе известную устойчивость. Наделение избыточным ценностно-смысловым содержанием того или иного аспекта социокультурной реальности, возведение его в ранг священного имеет, с точки зрения французского философа решающее значение для придания устойчивости той системе регуляторов социального поведения, которое обеспечивает наличие ненасильственных форм

антагонизма и, прежде всего, конкуренции. Сакральное кодифицирует такие нормы, препятствует рецидивам диких форм насилия, выступает в качестве своеобразного предохранителя против сползания общества к «войне всех против всех», тотальной дезинтеграции.

Необходимость нивелирования импульсов агрессивности продолжает сохранять свою актуальность и сейчас, в связи с тем, что современная социокультурная ситуация указывает нам на хрупкость ненасильственных форм состязательности и тенденцию перехода к открытым и нетерпимым формам соперничества индивидов в обществе. Сплошь и рядом они перерастают в конфликт, очень часто идущий на смену конкуренции и отрицающий ее, внося массовый деструктивный элемент и тая в себе угрозу существованию самого социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслов А. Г. Конфликт социальный / А. Г. Здравомыслов // Новая философская энциклопедия в 4 т. — М., 2010. — Т. 2. — С. 301–303.
2. Гусейнов А. А. Насилие / А. А. Гусейнов // Новая философская энциклопедия в 4 т. — М., 2010. — Т. 3 — С. 14–16.
3. Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки / В. И. Красиков — М., 2009. — 200 с.
4. Цуркан А. А. Спорт как модус состязательности / А. А. Цуркан. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014.-204 с.
5. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. — Изд., 2-е. — М., 2010. — 448 с.
6. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния / Р. Жирар. — М., 2015. — 202 с.

© Семенов Дмитрий Владимирович (ds771@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский государственный лингвистический университет